

Глава 21

Поля опустели, урожай один за другим перекочевал в закрома, и вскоре землю омыл первый после жатвы осенний дождь.

Ли Цинхун поднялся среди ночи, чтобы вместе с родителями проверить пристройки — не протекает ли крыша. Вернувшись в дом, он принес с собой запах сырости и ночной холод. Ли Цинвэнь, которого пробрал внезапный озноб, вздрогнул и открыл глаза.

— Третий брат?

— Всё хорошо, сынок, спи, — негромко отозвался тот.

Последние десять дней они без устали варили патоку, а следом, не переводя духа, приготовили несколько сотен цзиней шацимы. Лишь когда в руках оказался заветный мешочек, туго набитый медными монетами, Ли Цинвэнь смог наконец спокойно уснуть.

К утру дождь приутих, но в щели начал задувать пронизывающий ветер. Юноша поглубже зарылся в одеяло, свернувшись калачиком.

Внезапно во дворе послышались чьи-то шаги, а следом донесся взволнованный голос госпожи Чэнь:

— Шунь-цзы! Вы вернулись?! А где же мой старший?

— Тётушка, братец Цинжуй идет следом, — раздался голос Ли Циншуня. — Мы лишь на шаг его опередили. Он побоялся, что вы изведетесь от тревоги, вот и отправил меня вперед весть подать...

Ли Цинфэн, который до этого тоже лениво нежился на кане, подскочил как ужаленный. Прямо босиком, едва натянув туфли, он пулей вылетел из комнаты.

Ли Цинхун протянул брату одежду, и Ли Цинвэнь, быстро одевшись, вышел в восточную комнату. Там сидел промокший до нитки мужчина и вел беседу с матерью.

— Дядя Маоцунь занедужил, — объяснял гость. — Идти не может, совсем ослаб. Цинжуй с остальными остались присматривать за ним, так что задержатся в пути на несколько дней...

— Сильно ли он болен? — услышав, что с сыном всё в порядке, госпожа Чэнь немного успокоилась. — А сами-то вы как? Полгода на чужбине... Всё ли гладко прошло? Никакой беды не случилось?

— Дизентерия замучила бедолагу. И рвет его, и с горшка не слезает. Лекарь сказал — нужно несколько дней полного покоя, а так ничего страшного, выкарабкается... Тяжело было, что и говорить — грязь копать работа не из легких. Но нас там целая ватага была, все свои, деревенские. Помогали друг другу, выручали, так что обошлось без бед.

Ли Циншунь был внуком главы клана и тоже ходил в округ Сицзян на земляные работы. Едва добравшись утром до уездного города, он первым делом поспешил домой, чтобы сообщить близким о благополучном возвращении, и, передохнув лишь мгновение, отправился дальше к своим родным.

Госпожа Цзян от радости не находила себе места, кружась по дому. Маленький Ли Чжэнлянь поначалу тоже восторженно прыгал, но стоило ему вспомнить об отцовской ладони, тяжелой, точно веер, и о том, как та не раз опускалась на его мягкое место, мальчонка притих и обиженно надул губы.

Весть о том, что односельчане, пропадавшие полгода на батрацких работах, возвращаются живыми и невредимыми, мигом всколыхнула всю деревню. Люди потянулись к дому главы клана, желая из первых уст услышать о трудах в окружной столице и о тяготах пути.

Год выдался урожайным — ни засухи, ни наводнений. А теперь еще и молодежь вернулась целой и невредимой. Двойная радость пришла в деревню, и даже самые суровые старики не могли сдержать довольных улыбок.

Однако празднование длилось недолго. Не прошло и нескольких дней, как из ямэня нагрянули стражники. Указ был суров: осенняя подать в этом году вырастает до пятидесяти вэней с каждого двора. Срок на сбор — три дня.

Деревня загудела, точно растревоженный улей. Кто-то в отчаянии кричал, что власти пьют народную кровь, кто-то костил на чем свет стоит алчных чиновников. Но как бы ни топали крестьяне в бессильной ярости, деньги нужно было искать немедленно. Просрочишь хоть день — и тебя потащат в темницу под палочные удары.

Ли Маосянь, заранее обсудив всё с главой клана и старостой, пустил в ход деньги, вырученные за сладости из сорговой патоки. Он объявил сельчанам: те, кто не может расплатиться, могут взять деньги в долг. Взамен они обязались в следующем году отдать весь урожай сорговых стеблей с одного му земли.

Деревенские своими глазами видели, сколько сахара получается из этих стеблей. Но цену этому обмену каждый мерил на свой аршин. Кто-то считал, что сделка выгодная — ведь раньше эти стебли только на растопку и годились, а тут за них целых пятьдесят вэней дают. Другие же сомневались, полагая, что если варить сахар самим, можно выручить куда больше.

Глава семьи не спорил и не уговаривал — дело было сугубо добровольное. Те, у кого в закромах было совсем пусто, согласились сразу, остальные же предпочли выскрести последние гроши и заплатить сами.

Три дня деревня пребывала в лихорадочном волнении, но в итоге налог собрали до последнего вэня. Пока нужда не прижала к самой пропасти, никто не смел идти наперекор воле властей.

После жатвы у людей наконец появилось свободное время. Потянулись вереницы гостей: кто к родне, кто проведать родителей в соседние села. Слух о сорговой патоке разлетелся по округе быстрее ветра, и порог дома семьи Ли начали обивать просители. Всех интересовало одно — «сладкий камыш».

Люди жаждали семян и хотели выведать тайну варки сахара. Среди гостей были и старые знакомые, и уважаемые старейшины из окрестных деревень. Едва завидев новых просителей, Ли Бэньшань и Го Дацюань неизменно приходили на подмогу Ли Маосяню, чтобы вместе вести беседы.

Столько веков предки сеяли сорго, и лишь теперь, благодаря Ли Маосяню, людям открылась такая возможность. Никто не хотел упускать удачу, и имя семьи Ли стало самым обсуждаемым за каждым крестьянским столом в округе.

Ли Маосянь и не думал скрывать. Он обещал помочь своим односельчанам и не отказывал соседям — в этих краях привыкли держаться друг друга, ведь только сообща можно выжить. Гости уходили обнадеженными. Они уже всё разузнали и в один голос клялись, что поступят так же, как и жители Тополиной: отдадут за помощь каждый стебель с обещанного участка земли.

После дождей холодало с каждым днем.

Еще до рассвета госпожа Чэнь вышла во двор за дровами. В предрассветных сумерках ей показалось, что у ворот мелькают тени. Приглядевшись, она ахнула: у входа зябко жалась несколько человек. Их соломенные сандалии были по колено в грязи, одежда — ветхая и тонкая, а губы посерели от холода.

Заметив хозяйку, люди смутились:

— П-простите за беспокойство... Мы помешали.

Хозяйка поспешно ввела их в дом. Оказалось, путники пришли из деревни, что лежала за сотню ли отсюда. Весь день и всю ночь они были в пути и добрались лишь в полночь, но побоялись тревожить домочадцев, а потому до самого рассвета ждали у ворот.

Она тут же бросила в котел лишнюю горсть риса и посильнее растопила кан, чтобы гости могли согреться.

Пришли они всё по тому же делу — за семенами. Ли Маосянь заставил их сначала плотно позавтракать, отчего мужчины чувствовали себя крайне неловко и всё время рассыпались в

благодарностях. Путники были из разных деревень, но, решив идти в такую даль, объединились для безопасности.

Ли Маосянь слышал об их краях — места там были глухие и бедные, и путь оттуда был неблизкий. Он обстоятельно разъяснил им, как варить патоку, и велел принести семена из нынешнего урожая.

Мужчины не ожидали, что всё пройдет так легко. Перепуганные такой щедростью, они торопливо начали выгребать всё, что у них было в кошелях, спрашивая, хватит ли этого за семена.

Ли Цинвэнь, сидевший в той же комнате, видел, что лежало у них на ладонях: медные монеты, потемневшие серебряные подвески, обломки браслетов — всё, что удалось собрать по крупицам. Люди с тревогой смотрели на главу дома, страшась услышать, что этого мало.

Ли Маосянь сглотнул подступивший к горлу комок и твердо произнес:

— За семена денег не возьму. Берите так. Вырастите урожай, а следующей осенью вернете долг зерном.

Мужчины застыли в оцепенении. Лишь спустя минуту один из них начал отчаянно махать руками:

— Что вы, нельзя так! Не по совести это!

Как они ни уговаривали Ли Маосяня, он остался непреклонен. Ошеломленные такой добротой, люди не переставали кланяться и благодарить. У Ли Цинвэня, наблюдавшего за этой сценой, на душе стало горько и тоскливо.

Путники пробыли в доме недолго. Уходя, они уносили с собой не только драгоценные семена, но и мешочки с горячими лепешками, которые хозяйка успела испечь им в дорогу.

Едва одни гости скрылись за воротами, как на пороге показались Ли Цинъюнь и Фу Чуань.

Старшая дочь жила за несколько десятков ли, и выбраться в родительский дом ей удавалось нечасто, отчего родные всегда по ней тосковали. Матушка Чэнь с улыбкой сжала её холодные руки:

— Совсем продрогла в пути, небось? Живо на кан, грейся!

Ли Цинхун и Ли Цинфэн подхватили узлы у зятя:

— Брат Фу, дорога-то после дождей совсем раскисла, поди?

— Ничего, пробрались, — добродушно отозвался тот, сияя улыбкой. — А вы-то как вытянулись, оба!

Старшая сестра, единственная дочь в семье, нравом пошла в мать: такая же работающая и волевая. Дома она была прилежной дочерью, а в замужестве стала опорой мужу — в округе о ней никто и слова дурного не мог сказать.

Едва завидев Ли Цинвэня, она не выдержала. Обняв брата за голову, она разрыдалась, не в силах сдержать слез:

— Наш сынок поправился! Есть всё-таки у Небес глаза! Наша семья никогда не делала зла, не гоже было тебе так страдать!

Она так горько плакала, что плечо Ли Цинвэня совсем промокло от слез, и никакие уговоры не помогали.

— Ну полно, полно, — тихо увещевал её Фу Чуань. — Опять глаза разболятся...

Ли Маосянь, услышав это, встревоженно взгляделся в лицо дочери:

— Что такое? Глаза так и не прошли?

Не успел зять и рта раскрыть, как Ли Цинъюнь перебила его:

— Пустяки, отец. Просто перед отъездом торопилась холсты закончить, засиделась за ткацким станом, вот глаза и запекло. Отдохну немного — и всё на лад пойдет.

Утерев слезы, она принялась внимательно рассматривать младшего брата:

— Мама присылала весть, что ты на поправку пошел, да всё дела не пускали... Полгода тебя не видела. Совсем возмужал, красавцем стал. Небось от невест отбоя не будет?

И то не было пустой похвалой: мужчины в семье Ли все как на подбор были рослыми, а статью и лицом выделялись на десять ли в округе.

Семья дружно уселась на кане, ведя неспешный разговор, как вдруг на улице раздался звонкий крик Ли Чжэнляна:

— Папка!

Сердце госпожи Цзян екнуло. Она вихрем вылетела во двор и, увидев высокого мужчину, подхватившего ребенка на руки, замерла, прикрыв рот ладонью.

Ли Цинвэнь тоже не медлил. Когда он вышел, вся семья уже плотным кольцом окружила рослую фигуру в центре двора.

Вернувшись под родную кровлю после полугода разлуки, Ли Цинжуй наконец почувствовал, как тяжелый камень упал с его души. Он широко улыбнулся, сверкнув ровными белыми зубами:

— Отец, мама... Сын вернулся.

Женщины в доме разом зашмыгали носами, утирая слезы. Ли Маосянь держался крепче, лишь похлопал старшего сына по плечу:

— Главное — живой.

Он обвел взглядом родные лица и остановился на младшем брате.

— Старший брат, — с улыбкой произнес Ли Цинвэнь.

Голос старшего брата дрогнул и стал сиплым:

— Сынок... Младший мой... Я ждал, когда ты меня так назовешь, целых десять лет. Слава Небесам... Не поздно, совсем не поздно...

Радость захлестнула дом через край. Ли Цинжуя с почетом ввели в комнату. Госпожа Чэнь помогла ему скинуть дорожную одежду и уложила на кан. Почувствовав под спиной привычное тепло и надежность родного дома, мужчина издал протяжный, блаженный вздох. Какими бы ни были дела на чужбине — тягостными или славными, — только дома душа обретает истинный покой.

В один день вернулись и дочь, и старший сын. Дом семьи Ли наполнился суетой и весельем. Хозяйка, не скрывая сияющей улыбки, то и дело переспрашивала что-то у детей, а сама уже прикидывала, кого отправить на торговую улицу за свежим мясом, чтобы устроить настоящий пир.

Пока взрослые предавались беседам, Ли Чжэнлянь, усевшись на отцовское колено, выудил из его кармана какой-то увесистый сверток. Решив, что это гостинец, мальчишка с трудом развязал узел, но, увидев внутри лишь кучу белых камней, разочарованно швырнул его на кановую циновку.

Белые слитки высшей пробы — серебро «снежинка» — с мягким звоном рассыпались по постели. Все, кто сидел рядом, замерли. В следующий миг глаза у домочадцев округлились.

— Это... это... Сколько же здесь серебра?

У Ли Маосяня, всегда невозмутимого, перехватило дыхание, и голос его стал сухим:

— Сын, откуда такие деньги?

— Ох, совсем голову потерял! — Ли Цинжуй отставил ребенка в сторону и выпрямился. — Это же серебро за те коробочки с игрой! Мы их все продали!

<http://bllate.org/book/15828/1435076>